

История

Научная статья
УДК 94 (438).071
EDN: BWYKRV
DOI: <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2025-2-157-165>

Разделы Польши (1772–1795 гг.) и общественное мнение пореформенной России

Л.Ю. Гусман

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу дискурса о разделах Речи Посполитой в отечественной общественно-политической мысли пореформенной Российской империи. В основу исследования положен анализ периодических изданий XIX в., а также воспоминаний современников. Отмечено, что российские мыслители и публицисты пореформенной России постоянно обращались к истокам русско-польского конфликта, пытаясь отыскать виновных в его обострении. При этом, зачастую, критика разделов Польши была оторвана от исторических реалий и определялась априорной враждебностью к правительственной политике. Во второй половине 1860-х – 1870-х гг. российские консервативные и либеральные журналисты часто возлагали надежды на интеграцию Царства Польского в Российскую империю, наподобие объединения Шотландии с Англией. К началу 1880-х гг. на царство Польское даже некоторые консерваторы стали смотреть, как на «отрезанный ломоть». Если журналисты, особенно славянофильского толка, были неустойчивы в обличениях разделов, являвшихся якобы результатом «немецкого заговора» и принесших в Россию неразрешимый «польский вопрос», то в русских дипломатических кругах существовал совсем иной взгляд: Екатерина II, добившаяся для России «естественных границ», противопоставлялась Александру I, присоединившему к России «этнографическую», католическую Польшу, недоступную для устойчивой интеграции в Российскую империю. Автор приходит к выводу о том, что российская дореволюционная публицистика относилась болезненно к трем разделам Речи Посполитой. Лозунг восстановления «исторической Польши», выдвигаемый почти всеми фракциями польского национального движения, стал трагическим для жителей этой страны. Максималистские призывы к возвращению границ 1772 г. исключали какой-либо компромисс с любым влиятельным российским политическим течением, даже искренне симпатизирующим братской славянской народности. Безусловно, политический романтизм может вызывать восхищение своим героизмом и жертвенностью, но, ставя перед собой заведомо неисполнимые цели, он может стать самоубийственным выбором. Так случилось и с польскими националистами XIX века.

Ключевые слова: разделы Речи Посполитой, Речь Посполитая, «этнографическая» Польша, пореформенная Россия, Российская империя, общественно-политическая мысль, общественное мнение, консерваторы, либералы, славянофилы

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-10064 «Западные окраины Российской империи: проблемы этноконфессиональной инкорпорации в XVIII веке», <https://rscf.ru/project/23-78-10064/> в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Гусман Л.Ю. Разделы Польши (1772–1795 гг.) и общественное мнение пореформенной России // Известия Лаборатории древних технологий. 2025. Т. 21. № 2. С. 157–165. DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-157-165. EDN: BWYKRV.

History

Original article

Partition of Poland (1772-1795) and public opinion in post-reform Russia

Leonid Yu. Gusman

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract. The paper analyses the discourse on the Polish-Lithuanian Commonwealth division in the domestic socio-political thought of the post-reform Russian Empire. The research is based on the analysis of the 19th century periodicals, as well as the

© Гусман Л.Ю., 2025

contemporaries' memoirs. It is noted that Russian thinkers and publicists of post-reform Russia constantly turned to the origins of the Russian-Polish conflict, trying to find those responsible for its aggravation. At the same time, criticism of Poland partition was often divorced from historical realities and determined by a priori hostility to the government policy. In the second half of the 1860s - 1870s, Russian conservative and liberal journalists often pinned their hopes onto the integration of the Kingdom of Poland into the Russian Empire, similar to the unification of Scotland with England. By the early 1880s, even some conservatives began to look at the Kingdom of Poland as a "cut slice". While journalists, especially of the Slavophile persuasion, were unstoppable in denouncing partition as allegedly a result of a "German conspiracy" which brought the insoluble "Polish question" to Russia, Russian diplomatic circles expressed a completely different view: Catherine II, who achieved "natural borders" for Russia, was opposed to Alexander I, who annexed "ethnographic", Catholic Poland to Russia, inaccessible for sustainable integration into the Russian Empire. The author comes to the conclusion that Russian pre-revolutionary journalism was sensitive to the three partitions of the Polish-Lithuanian Commonwealth. The slogan of restoring "historical Poland", put forward by almost all fractions of the Polish national movement, has become tragic for the inhabitants of this country. Maximalist calls for the return of Year 1772 borders precluded any compromise with any influential Russian political movement, even those sincerely sympathetic to the fraternal Slavic nation. Of course, political romanticism can be admired for its heroism and sacrifice, but setting itself deliberately impossible goals, it can become a suicidal choice. This is exactly what happened with the Polish nationalists of the 19th century.

Keywords: partition of the Polish-Lithuanian Commonwealth, Polish-Lithuanian Commonwealth, "ethnographic" Poland, post-reform Russia, Russian Empire, socio-political thought, public opinion, conservatives, liberals, Slavophiles

Acknowledgements. The topic was supported by the Russian Science Foundation grant 23-78-10064 "Western Borderlands of the Russian Empire: Issues of Ethno-Confessional Incorporation in the 18th Century".

For citation: Gusman L.Yu. (2025) Partition of Poland (1772-1795) and public opinion in post-reform Russia. *Reports of the Laboratory of Ancient Technologies*. Vol. 21. No. 2. P. 157-165. (In Russ.). DOI: 10.21285/2415-8739-2025-2-157-165. EDN: BWYKRV.

Три раздела Речи Посполитой (1772, 1793 и 1795 гг.) похоронили это старинное государство. Безусловно, у этого события были многообразные внутренние и внешние причины. Но исчезновение польско-литовского государства стало важнейшим событием не только для жителей этой страны, но и для поделивших ее империй и королевств – России, Австрии и Пруссии. Некоторые польские и русские публицисты считали, что Россия не должна была делить Польшу с немецкими государствами, а присоединить ее целиком, создав, тем самым, единое общеславянское государство. Однако история, как известно, рассудила по-другому.

Судьбы прусской, австрийской и русской Польши были различны. В Речи Посполитой были распространены как антинемецкие, так и католические настроения. С Россией Польшу сближало общее славянское происхождение, с Австрией – общая религия, а вот с немецкой и лютеранской Пруссией не связывало ничего. Присоединенные территории сразу же стали источником внутренней напряженности для всех этих государств. Поляки-эмигранты наполнили улицы Парижа и Лондона, призывая к возрождению своего отечества. Они сражались за эту идею в рядах наполеоновских армий. Их лозунгом было возрождение страны в границах 1772 года. Это максималистское и нереальное требование, не учитывавшее желаний украинцев, белорусов и ли-

товцев стало причиной того, что русская часть Польши так и не получила автономию до Первой Мировой войны.

Пруссия добилась мощного экономического развития на вверенных ей польских территориях – Познань, Бреслау (Вроцлав), порты Данциг (Гданьск) и Штеттин (Щецин) внешне процветали. С 1848 года у поляков были представители в прусском ландтаге, а с 1871 г. в германском рейхстаге. Но произошло это ценой масштабной германизации этого региона. Активное расселение немцев лишало польские земли, доставшиеся Пруссии, славянского колорита. В обмен на материальные блага поляки отдавали свой культурный суверенитет. К тому же, власти Пруссии, а затем и Германии, подозрительно смотрели на любые уступки польским национальным чаяниям в России и Австро-Венгрии. О. Бисмарк не скрывал своей враждебности к любой самостоятельности Польши, в том числе и когда он был послом в Петербурге в начале 1860-х гг. Тем не менее в Первую Мировую войну германские войска, оккупировавшие русскую часть Польши, пытались использовать польское национальное движение в своих интересах.

Иной была ситуация в Австрии, а затем в Австро-Венгрии. Именно в Галиции, которая принадлежала империи Габсбургов, полякам была представлена максимальная политическая самостоя-

тельность. Наместники австрийских областей, министры и депутаты польского происхождения были там частым явлением. Но гражданская свобода не означала экономического равенства. На территории «свободной» Галиции большинство населения прозябало в нищете. И все же, польский язык, польская печать, наиболее вольготно чувствовали себя именно в «провинциях австрийского захвата».

Если же анализировать значение разделов Польши для Российской Империи, то можно отметить несколько весьма противоречивых факторов, делающих данный вопрос весьма непростым. Прежде всего, с исчезновением Речи Посполитой прекращал свое существование буфер между Россией и сильными германскими государствами. Тем самым, с военной точки зрения, Россия не усиливалась. Вместе с тем, Екатерина II добилась воссоединения с Россией земель правобережной Украины и Белоруссии, а также включения Литвы в состав Империи. Тем самым, она не посягнула на чисто польские земли, ограничившись так называемым Западным Краем.

Иначе поступил Александр I. По существу, именно его политика придала этой проблеме особую остроту. В 1815 г., после победы над Наполеоном, по решению Венского конгресса (Ляшенко, 2014. С. 270), в состав России вошло Царство Польское, со столицей в Варшаве, территория, ставшая центром восстаний 1830–31 и 1863–64 гг. Все попытки интегрировать Царство, или хотя бы его крестьянское население, в российскую цивилизацию заканчивались неудачей. Слишком уж разными были культурно-ценностные ориентиры этой провинции и остальной империи.

Следует отличать «этнографическую Польшу» (Царство Польское, присоединенное в 1815 г.) от «исторической Польши» в границах 1772 г. Часть русского общества, а порой и некоторые представители государственной власти, были готовы предоставить Царству Польскому автономию или даже независимость.

Польско-русские отношения имеют давнюю историю: оба государства за многие столетия соседства знавали не только периоды добрососедских отношений, но и серьезные конфликты, и даже войны. Проблема политической и этноконфессиональной инкорпорации территорий Речи Посполитой в состав Российской Империи стала

важной составляющей дискурса о «польском вопросе» в современной российской и зарубежной исторической науке (Бовуа, 2011; Вульпиус, 2023; Долбилов, 2010; Западные окраины Российской империи, 2006; Лукашова, Лукашов, 2018). Следует признать, что изучение этой проблемы затрагивает не только реконструкцию непосредственно политической истории: исследования последних лет особое внимание уделяют анализу места и роли «польского вопроса» в общественно-политической мысли России середины XIX – начала XX в. Именно в этой области историками были достигнуты очень серьезные успехи. (Белоусов, Абдуллаев, Чикина, 2019; Котов, 2020; Кудрявцева, 2021; Kudryavtseva, Samylovskaya, 2022; Наследие Речи Посполитой..., 2022; Тесля, 2020).

Польский вопрос в политике России был одним из самых сложных и запутанных (Киняпина, 2015. С. 411). На рубеже XVIII–XIX вв. Россия сыграла чрезвычайно значительную роль в судьбе польского народа; более того, она решилась на включение Польши в состав империи в качестве своеобразного приза, полученного ею по итогам наполеоновских войн. Вместе с тем западная окраина так никогда и не стала полностью лояльной частью Российской империи, оставаясь во многом чужеродной частью общерусской ткани. Эта инаковость Польши абсолютно отчетливо осознавалась российской интеллигенцией, не случайно обсуждение необходимости выработки приемлемых для обеих сторон конфликта отношений являлась одной из наиболее популярных тем тогдашней отечественной публицистики, при этом данная проблема единодушно рассматривалась всеми как чрезвычайно острая и злободневная – именно так она воспринималась русской общественной мыслью XIX – нач. XX в.

Процесс вхождения разных частей Польши в состав России, как известно, был растянут во времени: напомним, что разделы некогда могущественного государства в конце XVIII в. почти не затрагивали территорию этнографической Польши. Другое дело – 1815 год, когда Россия, по определению К.Ф. Головина, «имела несчастье или неосторожность, присоединить к себе не только одни окраинные провинции бывшей Польши, но и самую ее сердцевину» (Головин, 1908. С. 100). Отныне Царство Польское стало самым беспокойным регионом бескрайней империи; усугубилась эта ситуация по-

сле подавления памятного восстания 1830–1831 гг. и отмены конституции 1815 г. Получается, что три раздела Польши, включившие в состав Российской империи территории Белоруссии, правобережной Украины и Литвы, способствовали превращению польского вопроса во внутрироссийский; участие же в этих разделах таких держав, как Пруссия и Австрия, придали польской проблеме общеевропейский характер.

По существу, Екатерина II и Александр I воплотили два различных подхода к разрешению польской проблемы, совместив противоположные взгляды на инкорпорацию новых территорий в состав России. Присоединения, происходившие в екатерининскую эпоху, не затронули этнографическую Польшу; кроме того, что имеет критически важное значение, Россия не была инициатором разделов. Иное дело – любимый внук Екатерины Великой, Александр I. Проявив не столь частый для него в зрелом возрасте идеализм, Александр Павлович создал Царство Польское, включив в состав империи обширную территорию, населенную истовыми католиками – поляками. Отныне Западный край оставался вне Царства, что приводило польскую шляхту просто в неистовство: она грезилась восстановлением Польши в «исторических» границах 1772 г. В результате неудачного польского восстания 1830–1831 гг. была ликвидирована конституция Царства Польского и уничтожена независимость Краковской республики – последней суверенной польской территории. Национальное самолюбие польского народа было в максимальной степени уязвлено.

Начатые Александром II небывалые изменения едва ли не во всех сферах жизни русского общества, как известно, именуются в историографии «Великие реформы». Они сопровождались очевидным подъемом общественного движения – этот процесс проходил на фоне определенной активизации в России конституционалистского движения. Тем временем в странах Западной и Центральной Европы была установлена представительная форма правления; в Италии победило движение за национальную независимость, ставшая для многих других народов примером для подражания – все эти события вновь вызвали к жизни польский вопрос. Существующий конфликт усугублялся отсутствием консенсуса и по поводу консенсуса об очертаниях границ потенциально независимой Польши: так, если многие пред-

ставители русского общества были готовы говорить об отделении этнографической Польши в границах 1815 г., то не менее многочисленные группировки польской эмиграции стремились к независимости Польши в границах 1772 г., что автоматически затрагивало Западный край и Литву.

По этому поводу известный публицист Н.Н. Воскобойников писал в 1863 г.: «Если поляки не могут отказаться даже от исконных русских земель, если они хотят отнять у нас даже Киев, чтобы потом распоряжаться с ним по своему усмотрению, то они сами становятся относительно всех русских в то положение, за которое упрекают нас, сами посягают на нашу народность, на нашу независимость, на нашу свободу, и сами как бы вызывают нас поставить их в такие условия, при которых эти нападения не могли бы иметь успеха. Чем искреннее и полнее откажутся поляки от дерзких притязаний на русские земли, тем больше могут они надеяться получить льготы. Мечты о Польше 1772 г. представлялись русским людям до того невероятным, что в начале многие считали его за мгновенную, яростную вспышку; но увя!» (Воскобойников, 1863. С. 7). Для польской эмиграции характерной была существенная разногласия во мнениях, все фракции без исключения имели собственные печатные органы, в которых шла непрекращающаяся полемика друг с другом, однако все сходились в одном: требовании возвращения Польши к «историческим» границам 1772 г. Понятно, что в России даже самые радикальные представители общественности не были готовы пойти на согласие с такой точкой зрения. Показательным в этой связи является позиция известного публициста В.Р. Зотова, представлявшего либеральную газету «Голос» и заявлявшего, что Польша не довольствовалась бы возвращением Конституции 1815 года и границами бывшего Варшавского герцогства, а в свою очередь Россия никогда не согласится восстановить Польшу в границах до 1772 года. Сознывая все сложности, возникавшие для России в связи с нахождением в ее составе Царства Польского, русское общество того времени все же не находило возможным даже говорить о возможности отторжения от нашей страны Западного края и Литвы.

Для развития русской мысли того времени характерно постоянное обращение к изучению истоков русско-польского конфликта, в этом контексте постоянно возникала проблема изучения истории

разделов Речи Посполитой. Так, умеренный славянофил В.И. Ламанский в 1858 г. писал, вспоминая знаменитое стихотворение А.С. Пушкина «Клеветникам России», посвященное польскому восстанию 1830–1831 гг.: «Пушкин был благородный человек, но он был несколько пуст и легок, не имел никакого политического образования. Он мало имел веры в известные истины; его легко подкупал внешний блеск. Он не знал истории, не понимал, куда мы попали, когда связались по известному делу с Фридрихом II» (Переписка двух славянофилов, 1916. С. 5). Газета «Голос» в 1865 г. заявляла: «Говорят, что разделение Польши на три части, принадлежащие трем державам – лучший залог спокойствия Польши. Но последние события показали, что это не так. Русское правительство, вероятно, создало все неудобство двух иностранных границ, проходящих чрез (так!) польские земли» (Наши отношения к Пруссии // Голос (Санкт-Петербург). 1865. № 286. 16 (28) октября 1865. С. 2). В данном отрывке, как видим, речь идет о сугубо прагматическом моменте: о сложностях, возникших в связи с неудобством уже свершившихся разделов для российских интересов. Автора заметки раздражал сам факт того, что Россия вынуждена делить польские земли с немцами, создавая для последних удобную возможность для пресловутого «броска на восток». Примечательно также и суждение журналиста газеты «Русско-славянские отголоски», закрытой, к слову, в 1868 г. «Не нужно особого дара предвидения, чтобы признать ложным тот путь, на который волею обстоятельств вовлечена была Россия с самого начала польского вопроса, т. е. с разделов Польши. Первым преступлением в этом деле со стороны России было то, что из-за одной трети распластанной Польши, Россия отдала остальные две трети на съедение немцам» (По поводу польского вопроса // Русско-славянские отголоски (Санкт-Петербург). 1868. № 6. 15 июля 1868. С. 3). Обращает на себя внимание вера в потенциальный союз двух славянских народов – русских и поляков – как своеобразного барьера на пути потенциальной германской экспансии.

Порой критика разделов Польши отличалась откровенной абсурдностью. Так, молодой публицист С.С. Окрейц на страницах журнала «Дело» заявил о том, что Екатерина II присоединила «привислинский» регион: «Екатерина II была великая жена, ее политической мудрости мы обязаны присоединени-

ем привислинского края... (так! – прим. авт.) Но привислинский край делает нам бездну хлопот, больше убытков, чем прибыли – в будущем требует много ловкости и такта, чтобы нам снова стать к населению привислинского края в правильные отношения» (Окрейц, 1869. С. 8).

Вторая половина 1860-х – 1870-е гг. – время, когда в российском обществе существовала надежда на ускорение процесса интеграции Царства Польского в Российскую империю, подобно существовавшему объединению Англии и Шотландии. Особое значение в этой связи придавалось проведению крестьянской реформы Д.А. Милютина, которая, как надеялись представители русской интеллигенции, сможет привязать польское крестьянство к России, максимально ослабив при этом шляхту. Спустя годы стало понятно, что это предположение не подтвердилось. В этой связи в консервативных кругах стали смотреть на Царство Польское как на своего рода «отрезанный ломоть». В 1881 г. суворинское «Новое время» писало по этому поводу: «Неоспоримо, что Царство Польское, особенно завислинская его часть, есть страна прекрасная, высокоразвитая в экономическом отношении, щедро одаренная естественными, особенно минеральными богатствами, изрезанная железными и шоссейными дорогами. Но в международном отношении это наша ахиллесова пята, это всегда готовая почва для агитаций со стороны каждого правительства, желающего создать нам затруднения. Это больное место и наших финансов, ибо содержание Царства Польского стоит казне без сомнения гораздо дороже того, что она приносит. Мы не имеем данных, чтобы исчислить размер этого ущерба, но, принимая во внимание массу войска, расположенного в Царстве, и массу пребывающих в ней чиновников, содерживаемых казною, думаем, что расход на охранение и управление Царством Польским весьма велик. Если же, с другой стороны, подумаем, сколько рук и голов обратились бы к производительной на пользу России деятельности, если б управление Польшей было возложено на нее самое, то автономия ее представится делом весьма желательным и возможным, и выгодным во многих отношениях. Но Россия, скажут нам, никогда не отказывалась от своих завоеваний: это был бы первый и постыдный пример. Подобные примеры мы однако находим в истории. Англия,

например, уступила Греции Ионические острова и, кажется, не сожалеет об этом. Нам нужны не Калиш, не Радом, не Плоцк, а хорошая военная граница со стороны западных соседей наших, и мы имеем и должны сохранить такую границу на Висле с тремя находящимися на ней крепостями. Затем, что делается за чертой этой границы, как там управляются, на каком языке преподают и объявляют судебные приговоры, любят нас там или не любят – до всего этого нам нет, или почти нет, дела. Мы можем желать только одного, – чтобы творящееся за помянутой чертой не смущало нашего покоя, не производило вредной нам агитации; и вот для этого-то именно и необходимо нам образовать между Вислою и Бугом полосу чисто русского землевладения и населения» (Ответ «польскому публицисту» «Голоса» // Новое время (Санкт-Петербург). 1881. № 1829. 1 (13) апреля. С. 2–3. С. 3). Итак, владение Царством Польским, с этой точки зрения, было лишь обузой для Империи, но русское управление Западным Краем обсуждению не подлежало.

1880-е годы – время ухудшение отношений с Германией и крайне непопулярной в России Австро-Венгрией – в известной степени это влияло и на отношение российских публицистов к разделам Польши. Происходила постепенная подготовка к союзу с традиционно доброжелательной к Польше Францией. Как следствие, отзывы о разделах Польши, попадавшие на страницы подцензурной печати, отличались ярко выраженными германофобскими настроениями. Подобным образом отзывался о разделах Польши и знаменитый генерал М.Д. Скобелев: «Ошибка России не в том, что она завоевала ее (Польшу – Л. Г.), а в том, что она разделила ее и отдала чужеземцу» (Адан Ж. Воспоминания о Скобелеве // Новое время (Санкт-Петербург). 1886. № 3809. 6-го (18-го) октября. С. 2). Исходя из этой точки зрения, объединение России с Польшей отвечало бы интересам обоих славянских государств, в то время как раздел Польши с германскими государствами следовало рассматривать как предательство братьев-славян.

В популярной «Петербургской газете» в 1881 г. прямо заявлялось: «До сих пор союзы не принесли нам никакой выгоды, ни во внутреннем, ни во внешнем отношении. Возьмем хоть раздел Польши. Это была ошибка с нашей стороны: если бы мы

не приняли в нем участия, то укрощение польских восстаний выпало бы на долю Австрии и Пруссии и в настоящее время все царство польское находилось бы в тесной связи с Россиею, на которую смотрело бы как на освободительницу из-под ига «швабов»» (По поводу назначения нового министра иностранных дел в Австро-Венгрии // Петербургская газета (Санкт-Петербург). 1881. № 272. 18 ноября. С. 1). Еще более четко высказал свое негативное отношение к разделам Польши, прямо обвиняя Екатерину Великую и прусские происки, историк Н.П. Колюпанов на страницах полуславянофильского журнала «Русская мысль» писал: «Петру (Великому – Л. Г.) инстинкт его русского сердца подсказал, что не следует Россию лишать самостоятельности, а тем более содействовать Германии в подчинении своему игу единоплеменных славян. <...> Екатерина под влиянием дальновидного и хитрого основателя новейшего немецкого «drang nach osten», Фридриха Великого, разделила Польшу» (Колюпанов, 1883. С. 95). К слову, русская эмигрантская пресса, в частности, известный публицист, редактор журнала «Свободное слово» Л.П. Блюммер прямо заявлял о праве Польши на национальную независимость. Так, Блюммер, будучи противником абсолютизма, писал: «Удерживать за Россиею Польшу, значит – быть за самодержавие, за все его неисчислимое зло, значит – быть против грядущего величия России». При этом его главный вывод звучал не менее категорично: «Желаем скорейшего осуществления полной свободы Польши, полной ее самобытности. Поляки, как думаем мы, не наши, как и мы не их» (Гусман, 2017. С. 124).

Не следует думать, что негативное отношение к разделам Польши отличало всех без исключения российских публицистов того времени. В действительности, ситуация была не столь однозначна. Укажем, например, на позицию знаменитого дипломата С.Д. Сазонова, на страницах воспоминаний которого можно встретить противопоставление мудрой и расчетливой Екатерины II, добившейся для России достижения ее естественных границ, ее внуку Александру I, присоединившему к России «этнографическую», католическую Польшу, недоступную для устойчивой интеграции в Российскую Империю: «Приобретения России по трем разделам Польши вернули ей древнее историческое наследие и объ-

единили ее этнографически, дав ей вместе с тем и прекрасную границу, основанную на принципе разграничения народностей. Злополучное присоединение Царства Польского сразу нарушило это равновесие, и Россия вместо прежней естественной получила уродливую границу, которая глубоко врезалась в германские земли и защита которой представляла непреодолимые трудности. Непримиимо враждебная России Польша внедрилась в ее состав и значительно ослабляла ее политически, сыграв роль нароста или грыжи в нормальном до этого времени организме Русского государства. Последствия необдуманного акта Александра I немедленно дали себя почувствовать» (Сазонов, 2014).

Как видим, российская публицистика второй половины XIX в. относилась к разделам Польши чрезвычайно болезненно. Этому можно найти несколько объяснений. В этой связи можно упомянуть о том, что лозунги возвращения к границам 1772 г. в контексте восстановления «исторической Польши», выдвигаемые различными представителями польского национального движения, не могли найти поддержку у каких-либо сколько-нибудь влиятельных российских общественных групп. Рука, протянутая с востока, редко встречала дружеский отклик с берегов Вислы и Лабы. Безусловно, политический романтизм может вызывать восхищение своим героизмом и жертвенностью, но, ставя перед собой заведомо неисполнимые цели, он может стать самоубийственным выбором. Так случилось и с польскими националистами XIX века. В XX веке Польшу ждали не менее тяжкие испытания. Отказ России от украинских и белорусских земель был немислим, но именно на нем и настаивала польская публицистика в своем огромном большинстве. Как мы уже отмечали ранее, в этом была одна из причин тупика при разрешении «рокового вопроса».

Бесспорно, цензура в Царстве Польском была суровой, политических свобод там было меньше, чем в Австро-Венгрии и Пруссии. Но, при этом, польская культура лучше развивалась именно в

России, а не в германских государствах. Такие знаменитые авторы, как Г. Сенкевич и Б. Прус жили в *петербургской* империи. Экономика Царства росла уверенно. Появился такой крупный промышленный центр, как Лодзь. Выгоды России и Царства Польского были обоюдными. Польская индустрия становилась неотъемлемой и передовой частью общерусского рынка и способствовала его конкурентоспособности. В таких условиях, независимость Царству уже была невыгодна, что признавалось даже такими недругами Российской Империи, как Р. Люксембург. Независимое Царство Польское, лишенное выхода к морю, который был в руках Пруссии, и без таких городов, как Краков и Познань, оказывалось бы совершенно беспомощным государством, к тому же, лишенным преимуществ экономического союза с Россией.

Только Первая Мировая война привела к восстановлению польского государства, чему способствовали гибель Российской и Австро-Венгерской Империй и разгром Империи Германской. Отметим, впрочем, что после 1905 г. поляки в России получили представительство в Государственной Думе, а уже в 1914 г. российское правительство и военное командование твердо пообещали воссоздание польской автономии. Иначе говоря, и без Февральской и Октябрьской революций восстановление на карте Европы независимой Польши было бы вполне реально.

В 1918 г. Польский вопрос был не разрешен эволюционно, а «разрублен мечом», подобно тому, как Александр Македонский разрубил Гордиев узел. Независимая Польша сыграла заметную роль в событиях Гражданской войны в России, роковым образом повлияв на судьбу Белого движения (Пученков, 2016; Пученков, 2012). Первая мировая война, казалось бы, дала Польше долгожданную независимость, а из советско-польской войны она и вовсе вышла победителем. В свое будущее страна, казалось бы, могла смотреть с оптимизмом. Однако Польшу ожидал роковой 1939-й год.

Список источников

Белоусов М.С., Абдуллаев Я.С., Чикина В.А. Польский вопрос в дискурсе российской дореволюционной общественной мысли // Научный диалог. 2019. № 10. С. 328–346. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-328-346. EDN: APXQNR.

References

Belousov M.S., Abdullaev Ya.S. ogly, Chikina V.A. (2019) Polish question in the discourse of Russian pre-revolutionary social thought. *Nauchnyi dialog*. No. 10. P. 328-346. (In Russ.). DOI: 10.24224/2227-1295-2019-10-328-346. EDN: APXQNR.

Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). Москва : Новое литературное обозрение, 2011. 1008 с.

[Воскобойников Н.Н.] Польское дело // Библиотека для чтения. 1863. Т. 177. С. 1–64.

Вульпиус Р. Рождение Российской империи: концепции и практики политического господства в XVIII веке. Москва : Новое литературное обозрение, 2023. 711 с.

Головин К.Ф. Мои воспоминания. Санкт-Петербург : Тип. «Колокол», 1908. Т. 1: (До 1881 г.). VIII. 396 с.

Гусман Л.Ю. Очерки истории и идеологии русского конституционализма «Эпохи Великих реформ». СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2017. 190 с. EDN: ZUUOMD.

Долбилов М.Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 1000 с. EDN: QPQMIR.

Западные окраины Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.

Киняпина Н.С. Избранные труды по истории России XIX века : сб. статей. М. : СЭМ, 2015. 448 с.

Колюпанов Н.П. Очерк внутреннего управления в России при императрице Екатерине II // Русская мысль. 1883. Кн. 2. Февраль. С. 63–99.

Котов А.Э. Национальный вопрос на страницах «Литовских Епархиальных ведомостей»: 1860–1880-е годы // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 206–219. DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-206-219. EDN: FIMOLC.

Кудрявцева Р-Е.А., Самыловская Е.А. Образ Великого Княжества Литовского в литовской общественной мысли конца XIX – первой четверти XX в. // Клио. 2021. № 11 (179). С. 13–19. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_11_13. EDN: FDRLIO.

Лукашова С.С., Лукашов Н.В. Религиозный фактор как правовое обоснование разделов Речи Посполитой // Genesis: исторические исследования. 2018. № 10. С. 32–42. DOI: 10.25136/2409-868X.2018.10.27445. EDN: YPCIRV.

Ляшенко Л.М. Александр I: самодержавный республиканец. М. : Молодая гвардия, 2014. 344, [3] с.

Наследие Речи Посполитой в имперском интеллектуальном пространстве: Коллективная монография / ответственный редактор А.Ю. Дворниченко. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2022. 476 с. EDN: VMIKZH.

[Окрейц С.С.] Журналистика 1869 года. Статья II (Наши историки-беллетристы) // Дело. 1869. Вып. 10. С. 1–35.

Bovua D. (2011) Gordiev knot of the Russian Empire: Power, nobility and people in Right-bank Ukraine (1793-1914): 1) Beauvois D. (2003) Pouvoir russe et noblesse polonaise en Ukraine: 1793-1830. Paris; 2) Beauvois D. (1985) Le noble, le serf et le revizor: la noblesse polonaise entre le tsarisme et les masses ukrainiennes, 1831-1863. Paris; 3) Beauvois D. (1983) La bataille de la terre en Ukraine, 1863-1914: les Polonais et les conflits socioethniques. Lille, 1993.) (Russ. ed.: Gordiev uzal Rossiiskoi imperii: Vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoi Ukraine (1793–1914). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 1008 p.).

[Voskoboynikov N.N.] The Polish case. *Library for reading*. Vol. 177. P. 1-64. (In Russ).

Vul'pius R. (2023) The Birth of the Russian Empire: Concepts and practices of Political Domination in the XVIII century. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 711 p. (In Russ).

Golovin K.F. (1908) My memoirs. Sankt-Peterburg: Tip. "Kolokol". Vol. 1: (Before 1881 year). VIII. 396 p. (In Russ).

Gusman L.Yu. (2017) Essays on the History and Ideology of Russian Constitutionalism of the "Epoch of Great Reforms". St. Petersburg: St. Petersburg Polytechnic University. 190 p. (In Russ). EDN: ZUUOMD.

Dolbilov M.D. (2010) The Russian Land, a foreign Faith: The Ethno-confessional Policy of the Empire in Lithuania and Belarus under Alexander II. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 1000 p. (In Russ). EDN: QPQMIR.

(2006) The western outskirts of the Russian Empire. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. 608 p. (In Russ).

Kinyapina N.S. (2015) Selected works on the history of Russia in the 19th century : a collection of articles. Moscow: SEM. 448 p. (In Russ).

Kolyupanov N.P. (1883) An Essay on Internal Governance in Russia under Empress Catherine II. *Russian Thought*. Book. 2. February. P. 63-99. (In Russ).

Kotov A.E. (2020) The national question as covered in "Lithuanian diocesan bulletin" in 1860-1890 years. *Notebooks on Conservatism*. No. 1. P. 206-219. (In Russ.). DOI: 10.24030/24092517-2020-0-1-206-219. EDN: FIMOLC.

Kudryavtseva R-E.A., Samylovskaya E.A. (2021) The image of the Grand Duchy of Lithuania in Lithuanian public thought of the late XIX - first quarter of the XX centuries. *Klio*. No. 11 (179). P. 13-19. (In Russ). DOI: 10.51676/2070-9773_2021_11_13. EDN: FDRLIO.

Lukashova S.S., Lukashov N.V. (2018) The religious factor as a legal justification of the sections of the Polish-Lithuanian Commonwealth. *Genesis: Historical Research*. No.10. P. 32-42. (In Russ). DOI: 10.25136/2409-868X.2018.10.27445. EDN: YPCIRV.

Lyashenko L.M. (2014) Alexander I: The autocratic Republican. Moscow: Molodaya gvardiya. 344, [3] p. (In Russ).

Dvornichenko A.Yu. (2022) The Legacy of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the Imperial Intellectual space: Collective monograph. St. Petersburg: Vladimir Dal'. 476 p. (In Russ). EDN: VMIKZH.

[Okreits S.S.] (1869) Journalism of 1869. Article II (Our historians are fiction writers). *The case*. Iss. 10. P. 1-35. (In Russ).

Переписка двух славянофилов (сообщила О.В. Покровская-Ламанская) / В.И. Ламанский – И.С. Аксакову. 17 октября 1858 // Русская мысль. 1916. Кн. 9. С. 1–32.

Пученков А.С. «Даешь Варшаву!»: из истории советско-польской войны 1920 года // Новейшая история России. 2012. № 2 (4). С. 24–40. EDN: PHLQLT.

Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина. (Весна 1918 – весна 1920). Изд. 2-е, испр. и доп. М. : Научно-популярная книга, 2016. 399 с. EDN: LTFELJ.

Сазонов С.Д. Воспоминания. Москва : Горячая линия, 2014. 382 с.

Тесля А. Поляки, иезуиты, евреи и «миф о заговоре»: эволюция «опасного другого» в славянофильстве // Новое литературное обозрение. 2020. № 2 (162). С. 187–206. EDN: OWEPQW.

Kudryavtseva R.E.A., Samylovskaya E.A. Stages of the political and legal unification of the Grand Duchy of Lithuania and the crown of Poland in the “Course of Russian history” by E.F. Shmurlo // Voprosy Istorii. 2022. № 3-1. С. 186–192. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202203Statyi27. EDN: VUHMEH.

Информация об авторе

Гусман Леонид Юрьевич,

доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории,

Санкт-Петербургский государственный университет, 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9, Россия,

e-mail: blummer@mail.ru

Вклад автора

Гусман Л.Ю. выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение и подготовил рукопись к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Информация о статье

Статья поступила в редакцию 4 марта 2024 г.; одобрена после рецензирования 22 мая 2025 г.; принята к публикации 2 июня 2025 г.

Pokrovskaya-Lamanskaya O.V. (1916) “Correspondence of two Slavophiles”. V.I. Lamansky - I.S. Aksakov. October 17, 1858. *Russian Thought*. Book 9. P. 1-32. (In Russ).

Puchenkov A.S. (2012) “To Warsaw!”: From the history of Polish-Soviet war of 1920. *The Modern History of Russia*. No. 2 (4). P. 24-40. (In Russ). EDN: PHLQLT.

Puchenkov A.S. (2016) The national policy of General Denikin. (Spring 1918 – spring 1920). Moscow: Nauchno-populyarnaya kniga. 399 p. (In Russ). EDN: LTFELJ.

Sazonov S.D. (2014) Memoirs. Moscow: Goryachaya liniya. 382 p. (In Russ).

Teslya A. (2020) Poles, Jesuits, Jews, and the “conspiracy myth”: the evolution of the “dangerous other” in Slavophilia. *New Literary Review*. No. 2 (162). P. 187-206. (In Russ). EDN: OWEPQW.

Kudryavtseva R.E.A., Samylovskaya E.A. (2022) Stages of the political and legal unification of the Grand Duchy of Lithuania and the crown of Poland in the “Course of Russian history” by E.F. Shmurlo. *Voprosy Istorii*. No. 3-1. С. 186–192. DOI: 10.31166/VoprosyIstorii202203Statyi27. EDN: VUHMEH.

Information about the author

Leonid Yu. Gusman,

Dr. Sci. (History), Senior researcher, Institute of History, St. Petersburg State University,

7-9, Universitetskaya Emb., St. Petersburg 199034, Russia, e-mail: blummer@mail.ru

Contribution of the author

Gusman L.Yu. carried out a research work, based on the obtained results made the generalization and prepared the manuscript for publication.

Conflict of interests

The author declares no conflict of interests.

The author has read and approved the final manuscript.

Article info

The article was submitted March 4, 2024; approved after reviewing May 22, 2025; accepted for publication June 2, 2025.